

АКСЕЛЬ ГРИН

*7:13 утра
4 апреля 2001 года
Треверберг*

Аксель Грин, сжав зубы, стоял около кофейного аппарата. Сегодня он почти не спал. Сара снова кричала во сне. Он сделал ей укол, но так и не смог отключиться. Он никому не говорил о том, что до сих пор, в свои тридцать с небольшим, жил с матерью. И уж точно никому не говорил, что почти что шестидесятилетняя женщина ему не мать.

Он вырос в приюте Треверберга, к тринадцати годам совершенно не надеялся обрести семью, и когда узнал, что нянечка приюта, добрая и одинокая Сара Опервальд, добилась разрешения на усыновление, искренне удивился. Аксель не ждал ничего хорошего от этой жизни. Его родители погибли при странных обстоятельствах, когда мальчику исполнилось три. Как ему рассказали, скрипачка Габриелла Гринштейн и ее муж, ученый-микробиолог Дэвид Гринштейн, страстно любили своего единственного сына, пророчили ему громкую карьеру музыканта (у мальчика был абсолютный слух), но не успели услышать и первой ноты в его исполнении. Они разбились в автокатастрофе на пустой сухой дороге в три часа утра. Куда они ехали и зачем, почему вылетели на мост, каким образом врезались в фонарный столб — этого не знал

никто. Объявили несчастным случаем и забыли. Аксель читал архивы дела. Там не было зацепок, не было даже намеков на то, что за автокатастрофой прячется что-то еще. Впрочем, родителей он не помнил. Они не оставили ему даже фамилии — секретарь в социальной службе сократил неудобное «Гринштейн» до Грин.

Детектив провел рукой с аккуратными длинными пальцами несостоявшегося музыканта по светлым волосам, неряшливо, слишком свободно и старомодно спускавшимся на плечи. Пронзительно-синие глаза цепко и холодно следили за аппаратом в ожидании дозы кофеина. Детектив сжал зубы. Несколько лет назад он получил повышение и теперь расследовал самые тяжелые и запутанные дела. У руководства он был на хорошем счету, хотя методы расследования нравились не всем. Во главе управления стоял Найджел Старсгард, в прошлом военный, как и Грин, но непосредственным руководителем Акселя оставался капитан Боннар. А ему не нравились методы расследования ни одного из подчиненных. В отдел особо тяжких заносило только психов, людей с переломанной судьбой.

Аксель исключением не был.

Кто в нормальном состоянии станет разгребать всю эту грязь с маньяками, садистами, убийствами женщин и детей? Кто не испугается почти каждый день видеть кровь, боль, страх? Какое сердце сможет это выдержать? Либо то, которое уже давно ничего не чувствует, либо то, для которого все это находится на границе нормы. Аксель принадлежал ко вторым. Непростое детство сироты заставило его рано повзреть.

В тот день, когда Сара забрала его домой, мальчик считал себя уже совершенно взрослым и самостоятельным мужчиной. Он быстро взял на себя заботу о женщине, которая через много лет после усыновления потеряла своего родного сына при страшных обстоятельствах — он стал жертвой бушевавшего в то время в Треверберге маньяка. Шел 1993 год. Город вставал на ноги после тяжелейшего экономического

кризиса. Зарождался частный бизнес, администрация выделяла деньги на социальные объекты. Жизнь, казалось, снова налаживалась. До тех пор, пока прессу не взорвали новости о разбушевавшемся убийце, чей фокус совершенно невозможным образом сконцентрировался на детях до десяти лет. Сына Сары нашли повешенным на столетнем дубе в старой части города. Никаких следов, никаких улик. Единственное, что успокаивало тогда, — следов насилия или полового вмешательства не нашли: это был не педофил. Но тварь убивала детей. Волна смертей прокатилась с 1990 до 1995 года. Погибло тринадцать детей. А потом что-то случилось. Убийства прекратились, но и обвинения никому так и не смогли выдвинуть, несмотря на сильную команду, которая вела дело.

Аксель в основном знал об этой истории из газет и сплетен в академии. Он вернулся из армии в 1992 году, сразу поступил в полицейскую академию, перепрыгнув младшие курсы, и параллельно устроился стажером в полицию. И он отлично помнил тот день, 2 ноября 1993 года, когда Сара, добрая светлая женщина, которая была рядом с Акселем все годы его жизни в приюте, дождалась его возвращения из армии и одобрила его решение посвятить свою жизнь службе в полиции, вдруг посерела. Взгляд потух.

Детектив наконец получил вожделенный стаканчик с дрянным кофе и расправил плечи. Он был высок, выше многих своих коллег, статен, обладал идеальной осанкой, но все время держался осторожно, будто бы ждал удара. Прежде чем войти в комнату, он заглядывал в нее, словно оценивая обстановку, затем делал шаг. Он все время был на войне. В армию Аксель ушел в шестнадцать. О семи годах в горячих точках не рассказывал. При найме на службу шеф убойного Боннар пытался запросить его досье, но получил мягкий и уверенный отказ. Всего один разговор с Акселем уверил Боннара в двух вещах: юношу изрядно потрепало, и ему можно доверять. Чутье капитана не обманывало, и он не стал возражать, когда офицер Грин изъявил желание забросить военное дело и переквалифицироваться в детектива. С шефом полиции

Старсгардом общий язык Грин нашел мгновенно. В отличие от своего подчиненного, капитана Боннара, Найджел понимал, что именно означает засекреченное досье.

Акселя прогнали через академию, через бумажную волокиту, потом начали подключать на задания. В двадцать семь Грин получил повышение и стал детективом. Сначала — убойный отдел. Через год — особо тяжкие. Он блистал, но не любил, когда это замечали. Для него расследование было чем-то сродни воздуху. И лишь потом — долгом, почетом, службой.

Синие глаза Акселя остановились на огромных часах Audemars Piguet, которые управлению подарил мэр после раскрытия дела Инквизитора¹. Тонкие стрелки указывали на десять минут восьмого утра. Детектив не смог заснуть и приехал в участок раньше, чем нужно. Он знал, что его сослуживцы притащат свои задницы в лучшем случае через час. У него есть время, чтобы подумать. Ночь была сложной. Сара кричала. А у него не шло из головы тело, найденное вчера.

Он не был специалистом по профилированию, ждал заключения доктора Марка Карлина, чтобы получить предположения относительно психологического портрета убийцы. Но одно он знал точно. В городе снова орудовал маньяк. И он снова нападал на детей.

Аксель прошел в свой кабинет, куда его переселили чуть меньше года назад, привычным жестом поправив волосы и осмотрев помещение прежде, чем шагнуть за порог. Вчера ему доставили долгожданную посылку — дубовый стол из массива. Детектив рассматривал громадину с мрачной улыбкой, в его глазах блестело удовлетворение. Он поставил кофе на полочку, подошел к столу и прикоснулся к нему кончиками пальцев. Дерево отозвалось мягким теплом. Да. Огромная столешница, приятный запах и ощущение уверенности — это то что нужно. Это то, чего не хватало. Старый стол де-

¹ Дело Инквизитора Аксель Грин расследовал в 1999 году, это описано в романе «За грехи отцов».

тектива выбросили. Вещи он предварительно упаковал в коробки и перевязал их клейкой лентой, чтобы никто не рылся в том, в чем рыться не стоит. Справа от стола к стене прибили огромную белую доску. Пока что на ней висела только одна фотография — снимок со вчерашнего места преступления, одинокий и шокирующий. Но скоро здесь выстроится все расследование. Аксель с нетерпением ждал момента, когда сможет добавить другие фото, заметки, записки, протянуть нити, связывая фрагменты мозаики. И того чувства, которое можно сравнить только с наркотическим кайфом или оргазмом, которое поглощало его в мгновение осознания. Как многие детективы, он мыслил логичными образами. И ключевой точкой в расследовании становилось проявление картины. Вспышка, после которой все шло по-другому.

Напротив белой доски — несколько благодарственных грамот. Ни фото родителей, ни Сары, ни его самого. Год назад здесь жила фотография Элизабет. Но они расстались, и Аксель выбросил фото. Зачем тянуть за собой прошлое. Лиз уехала из города, а он остался здесь.

Он всегда оставался.

Аксель наклонился, поднял с пола монитор, клавиатуру, поставил их на стол. Огляделся в поисках мышки. Нашел ее под столом, положил на место. Затем достал из кармана небольшой складной нож, вскрыл ближайшую коробку и вытащил оттуда документы. Положил папку на стол. Вернулся за кофе, сел в кресло, включил компьютер и задумался, тебя кончики волос. На его гладко выбритое лицо падал солнечный свет, делая черты почти совершенными. Высокий чистый лоб с аккуратными залысынами, которые лихо маскировались под гривой светлых волос, темные брови, подчеркивающие пронзительный, слишком яркий цвет глаз. Прямой аккуратный нос, небольшие губы, на которых застыла печать усмешки. Улыбался Аксель чаще уголками губ. Искренней и открытой улыбки никто не видел.

Детектив сделал глоток кофе, опустил руку со стаканчиком на столешницу, закрыл глаза и откинулся на спинку кресла.

Вчера в 13:57 поступило сообщение о найденном теле ребенка в одном из коттеджей в популярном поселке Художников. Описание было сбивчивым. Ребенка нашла домработница, которая приходила каждый день в 14:00, чтобы сделать уборку и приготовить еду. Обычно в это время дом пустовал. Отец мальчика был видным деятелем науки и редко бывал в Треверберге, мать, Аделаида Броу, работала юристом и тоже практически отсутствовала дома. С маленьким Хавьером обычно оставалась няня. Но несколько месяцев назад мальчика определили в частную школу, которая готовила детей к поступлению в нормальную школу. Как это у них называется? Детский сад? Подготовительные курсы? Черт ногу сломит. Так вот, ребенка в это время дома практически не бывало, няня его привозила и увозила, в этот день должна была забрать его с Сиреневой улицы, 44 ровно в 15:00.

Уборщица, пятидесятилетняя вдова Мариса Харрис, как обычно, приехала к особняку на такси, которое оплачивала семья Броу. Таксист оставил ее у ворот и уехал. Мариса воспользовалась ключом, который вручил ей хозяин дома в день оформления на работу, отперла калитку. Сорок пять секунд понадобилось на то, чтобы дойти до дома и распахнуть входную дверь. То, что она увидела в некогда белоснежной огромной прихожей, невозможно было описать. Уборщица позвонила в полицию немедленно, благо телефон находился при входе. Повернувшись спиной к ужасу, который ее так поразил, она торопливо проговорила адрес и выскочила на улицу, где ее тяжело и долго тошнило.

Аксель Грин прибыл на место за пару минут до появления криминалистов. Он вошел на территорию коттеджа, расположенного в старой части, между многоэтажными домами и резиденциями, чья стоимость не уместилась ни в одном чеке, ровно в пятнадцать минут третьего. Он приехал на мотоцикле и миновал все пробки. Еще одна особенность, которую не любил Боннар, — детектив ненавидел автомобили и пользовался мотоциклом. Вой сирен возвестил о том, что подтя-

нулась остальная команда. Аксель задержался с Марисой, которая сидела на ступеньках дома и плакала. Полицейские натянули желтые огораживающие ленты. Каждый поздоровался с детективом. Тот не стал дожидаться криминалистов и, развернувшись, нацепил латексные перчатки на руки, обмотал ботинки скотчем, который всегда возил с собой, и толкнул дверь в дом.

Привычный к крови и ужасам войны, к десяткам трупов, к плачу и скорби, детектив Грин все же оторопел от того, что открылось его цепкому, ничего не пропускающему взгляду. Огромная белая гостиная: стены, потолок, глянцевый пол. Прихожей нет, только маленькая тумбочка. Судя по всему, гардеробная где-то за лестницей. Прямо перед глазами — когда-то белая стена с несколькими фотографиями жителей дома. Справа стеклянная дверь в кухню, слева — еще в одну комнату, дверь закрыта, и со своей точки Аксель не мог понять, что это за помещение. Жертва лежала на полу. На огромном ватмане, растянутом возле стены. Даже отсюда с высоты своего роста Аксель четко видел и осознавал то, что он видит. Убитый мальчик был уложен так, будто парит в воздухе. К его спине светлой проволокой прикручены два крыла, судя по всему, собранных вручную — слишком тщательная работа для сувенирных лавок. Мальчик обнажен. Лицо чистое. Волосы аккуратно расчесаны. Вены вскрыты, кровь использовали вместо краски — ею добротнo обрызгали стену и подрисовали «облачка» на ватмане.

Аксель выпрямился в кресле. Ему пришлось дать криминалистам возможность работать. Зацепок было много, но он чувствовал, что ни одна из них не приведет к убийце. Они возьмут на анализ ватман, чтобы выяснить, где он куплен, попробуют проанализировать следы, прошерстят весь дом в поисках отпечатков. И им должно крупно повезти, если это сработает. А может, он просто слишком впечатлен, и преступник — самый обыкновенный псих, который пытается выразить через убийство какие-то внутренние неурядицы.

Но как бы детектив ни хорохорился, выбросить из головы увиденное не мог. Снова ребенок. Нужно дождаться отчета о вскрытии и потом уже строить гипотезы.

В дверь постучали. Аксель пригласил войти, и на пороге появился Марк Карлин, руководитель недавно созданного отдела психологической экспертизы. Блестящий детектив и ученый, который углубился в профилирование. Аксель и Марк вместе раскрыли немало сложных, чрезвычайно запутанных дел, включая дело Инквизитора. Железобетонная уверенность Акселя в собственной правоте, его феноменальное чутье, основанное на нечеловеческой способности подмечать детали, и удивительный ум Карлина, позволяющий буквально считывать преступника, делали их самым эффективным дуэтом под руководством Боннара. Вместе с раскрытыми преступлениями пришла и слава. А с ней — повышенная занятость. Грину не нравилось, что Карлин сейчас поддерживал все сложные расследования. Еще меньше ему нравилось, что он притащил из Германии молодого, подающего надежды, но пока решительно бестолкового парнишку по имени Говард Логан и проводил с ним много времени.

Привычный мир рушился. Грин служил в полиции почти десять лет, учился, рос, вырослел, шагал по карьерной лестнице, получил значок детектива, потом — детектива первого класса, соревновался с коллегами по количеству раскрытых преступлений. И во всем этом не было никакого смысла. Его глаза загорались только при виде крови. Только на месте преступления, которое он читал, подобно раскрытой книге. Только тогда, когда Треверберг содрогался от очередной волны новостей. К счастью для Акселя, к несчастью для города, маньяков в Треверберге было много. Почти каждый год по одной, а то и по две серии. И это на город, в котором дай бог наберется несколько миллионов душ, если считать вместе с пригородами.

- Доброе утро, — жизнерадостно поздоровался Карлин.
- Ты сегодня рано.

— Не ложился. Я пришел поговорить про нашего художника.

— Художника?

Аксель выпрямился в кресле. Карлин пересек кабинет, носком идеально начищенного ботинка отпихнул мешавшую ему коробку, пожал Грину руку и уселся в кресло. В руках он держал папку с документами. Он счастливо улыбался и выглядел столь же безупречно, сколь и безумно. В карих глазах плясали черти, темные волосы, как всегда, уложены волосок к волоску. Аксель почувствовал, как медленно рассасывается ледяной комок в груди. Он давно думал попросить Карлина найти для Сары толкового психиатра и почему-то решил, что сегодня сможет это сделать.

— Судмедэксперт прозвал его Рафаэлем.

— Почему? — удивился Грин.

— Зато готовы результаты вскрытия, — переключился Карлин.

— Шутишь!

Руководитель отдела психологической экспертизы театральным жестом раскрыл папку.

— Ты был прав, Аксель, мальчик обескровлен, ему отворили вены, сцедили кровь и использовали ее в качестве краски. На мазках обнаружили несколько ворсинок беличьей кисти. Ватман самый обыкновенный, такие есть в каждом художественном магазине. Ах, я отвлекся, про отчет криминалистов позже, он еще не готов. Поговорю с Трессом, если задержат. — Карлин мгновение помолчал, подбирая слова. — Итак, мальчик. Хавьер Броу, на днях исполнилось три года. Еще не сформировался, тело пухлое, светловолосый, волосы кудрявые, напоминает ангелочков с фресок эпохи Возрождения. Отсюда аналогия с Рафаэлем. Ангелоподобный мальчик, которого уложили в соответствии с образом упомянутых фресок. Мальчик умер от потери крови, но он не испытывал боли или дискомфорта. Предварительно его усыпили с помощью хлороформа. Банальный дедовский метод. Возможно, наш маньяк еще учится. Усыпили, уложили на

подушку, отворили вены рук и ног и слили кровь в какие-то емкости. Подушку убрали. Мальчика посадили на суперклей на ватман, зафиксировав руки и ноги. Кстати, волосы тоже смазали клеем, но расческу ребята не нашли, вероятно, она осталась у убийцы. — Марк Карлин с задумчивым видом перевернул лист отчета. — Крылья к спине прикручивали уже после того, как тело приклеили к бумаге. Предполагаю, что тут наш убийца ошибся, он был настолько взбудоражен происходящим, что забыл про крылья. Поэтому они прикреплены только сверху, с той стороны, которая была свободна. Метод крепления тебе не понравится, Аксель, убийца просто пришил крылья к телу. Игла тонкая, острая, судя по характеру отверстий, изогнутая. Такими работают с кожей в некоторых швейных мастерских, но преимущественно в больницах. Характер порезов на руках и ногах говорит об остром ноже с четкой односторонней заточкой. Раны не рваные, почти такие же, какие оставляет скальпель, но это точно не скальпель. Возможно, нож для бумаг или просто булатный клинок, который по-человечески заточили. Частиц в ране не обнаружено. В отчете пока написано «очень хорошо заточенная сталь, возможно, порошковая». Движения ровные, четкие. Убийца не сомневался. Мальчик умер во сне и ничего не почувствовал. Единственное, что радует в этой картине.

Аксель встал, достал отброшенную Марком в сторону коробку, поставил ее на стол, вскрыл. Вытащил оттуда несколько книг и бросил их в ящик стола.

— Убивает не ради убийства, — проговорил он. — Смерть — лишь инструмент, не цель.

Марк пожал плечами.

— Они почти всегда убивают не ради убийства, не ради мести. Если мы говорим про настоящих психов. У каждого из них свой замысел, свои фантазии, страхи, свое понимание о лучшем. Кто-то создает идеальный музыкальный инструмент. Помнишь дело о костяных флейтах?

Аксель молча кивнул. Он консультировал в том расследовании. На флейты из костей рассмотрелся до конца жизни.